

Джо Малозо

Жасмин поизучий

Решив связать свою жизнь с южанкой Паолой, северянин Лоренцо отправляется с невестой в Калабрию, в провинцию Катандзаро, чтобы познакомиться с будущей тещей, Маризой. Неожидано Лоренцо оказывается вовлеченным в драматические события, обусловленные отчасти поведением сексуально ненасытной Маризы, отчасти же — связью семьи с ндрангетой, самой жестокой и самой неустрашимой мафией Италии.

Остросужетный роман Джо Малозо «Жасмин ползучий» продержит читателя в напряжении с первой и до самой последней страницы.

Джо Малозо **ЖАСМИН ПОЛЗУЧИЙ**

— И Вас это не удивляло? — спросил комиссар Дзандзара.

Я на мгновение замешкался с ответом, соображая, удивляло ли меня то, что Паола ничего практически не рассказывала о своей семье и, в частности, о матери. А с какой стати меня это должно было удивлять? Она ведь не то чтобы вовсе молчала или что-либо пыталась скрывать. Просто высказывалась всегда как-то односложно. А когда

нам подадут информацию скупое, мы склонны сами дополнять ее. Мы додумываем, анализируя, а полученную таким образом картину считаем истинной. И удивляемся, когда подобная картина, неожиданно для нас, оказывается ложной.

Едва увидев Паолу, я узнал в ней южанку. Едва услышав, определил калабрийский акцент. В ее скромности, в сдержанной, даже застенчивой прямоте угадывалось традиционное воспитание. Также и в манере одеваться. Вообще, у нас в офисе придерживаются определенного дресс-кода, но по пятницам — фирма-то, как-никак, американская — принято одеваться в стиле «кежуал». Девушки используют эту традицию американских офисов, как возможность продемонстрировать, во-первых, татуированные части тела, во-вторых, наряды самого смелого покроя. Паола же позволяла себе разве что добавить немного цвета, отступая от классического «белый верх, черный низ». Еще тогда, впервые увидев Паолу, я подумал, что легко могу представить ее во всем черном, как любят изображать южанок в кино. Мне казалось вполне естественным, что она не горит желанием рассказывать всем и каждому о какой-нибудь рыбацкой деревне, в которой родилась, о царящих там грубых, едва ли не средневековых нравах, о родителях, которые толком не знают итальянского языка, людях без образования и кругозора (иначе,

зачем бы они остались в той глуши?). Бог знает, насколько тягостные чувства могли быть у нее связаны с родными местами и семьей, чтобы о них лишний раз вспоминать.

Она вообще была не слишком разговорчивой — как по характеру, так и из-за своей стеснительности и боязни сболтнуть что-нибудь неуместное, привлечь к себе всеобщее внимание, а, чего доброго, навлечь на себя насмешки. Наверное, с этого все у нас и началось. То есть, с моего произвольного, почти отеческого — все-таки разница почти в двадцать лет — желания защитить ее. Собственно, никто на Паолу не нападал — при якобы американской природе предприятия, все мы оставались итальянцами, и наша врожденная доброжелательность, благодушие, а главное праздность делали невозможной типичную для трансатлантических корпораций обстановку «крысиных бегов». Тем не менее, глядя на Паолу, я испытывал потребность — просто, как старший — опекать застенчивую южанку, немного одинокую среди нас, северян.

Подобные чувства имеют склонность развиваться. При определенных обстоятельствах, конечно. Как-то так получалось, что — из сочувствия к провинциалке — я оказывался рядом с ней на всех корпоративных мероприятиях. А по мере того, как я лучше узнавал Паолу, сочувствие

незаметно переросло в нежность. В каком-то смысле, она также и провоцировала меня — бессознательно, — хотя флиртом ее поведение никак нельзя было назвать. К примеру, если говорить о корпоративных мероприятиях... Однажды, мы, своим небольшим отделом, отмечали завершение проекта. Мы тогда засиделись за работой допоздна — нужно было поспеть к сроку; а потом почувствовали, что не сможем просто разойтись по домам, нужно было сбросить напряжение. Гвидо сказал, что в холодильнике есть франчакорта: он предусмотрительно купил этого игристого вина родом из-под Брешии, единственного в мире способного на равных соперничать с шампанским, и попросил Паолу принести пару бутылок и бокалы. И прошутто крудо — лучшую в мире солонину. И хрустящий свежий хлеб, наш, умбрский, испеченный в дровяной печи. Гвидо обо всем позаботился. Мы выпили по бокалу франчакорты, и поняли, что возникшая непринужденная атмосфера не простит нам, если мы ее, атмосферу, оставим здесь одну, а сами разъедемся по домам. К счастью, в холодильнике нашлось еще пару бутылок франчакорты. Они всё находились там и находились. На следующий день уборщица сказала, что вынесла два ящика пустых бутылок. Но в ту ночь мы их не считали.

В итоге, кто-то предложил искупаться в фонтане. Наш офис расположен в реконструированном старинном здании с внутренним двориком, в центре которого фонтан. Идея всем понравилась, и, предположение Гвидо, что ночью купаться следует голышом, было поддержано единодушно. Только Паолу такая перспектива, кажется, смутила.

Небольшой, но довольно шумной группой мы высыпали в дворик и направились к фонтану, по дороге сбрасывая с себя одежду. С пиджаком, перекинутым через руку, расстегивая рубашку, я отстал от остальных купальщиков — первые двое или трое уже плескались под мраморным изваянием Тритона — и повернул в укромный угол, где, как я успел заметить, спряталась Паола. Она притаилась на скамеечке у стены, под кустом жасмина, и даже не думала раздеваться.

— Для тебя здешняя жара, наверное, и не жара вовсе, — сказал я, усаживаясь рядом с ней, и опуская руку на спинку скамейки у Паолы за спиной. — Или ты ни в чем мельче моря не привыкла купаться?

Она ответила почти сразу, но прежде взглянула на меня, и ее широко раскрытые черные глаза влажно блеснули в темноте.

— У нас жара ощущается меньше. Катандзаро ведь самое узкое место между двумя морями, и

продувается, поэтому, и с востока, и с запада. Мой городок, правда, далековато от обоих морей, так что я больше привыкла купаться в реке.

— А у меня юг как раз ассоциируется с бесконечными пустынными пляжами и уходящими в море скалами. Цветочные поляны и сосновые рощи на прибрежных холмах. Пейзажи, которые я привык видеть в детстве на Сардинии, куда мама возила меня на каникулы.

— Я никогда никуда не уезжала на каникулы, — сказала Паола, — но наши пейзажи похожи на твое описание. На море мы бывали иногда. С матерью.

Она впервые упомянула свою мать. И в тот же вечер, кстати, она еще упомянула ее во второй раз.

— Как сладко пахнет жасмин, — вдохнул я ночной воздух, подняв лицо к ветвям и одновременно приблизившись к Паоле.

Запах цветов смешался с ароматом ее смуглой кожи и шелковистых черных волос.

— Вы все здесь, на севере, называете эти кусты жасмином, — улыбнулась она снисходительно. — Это, на самом деле, филадельфо. Жасмин не такой.

— Я знаю, какой жасмин на юге, но я думал это его разновидность. Филадельфо? Хм. Как ты их отличаешь?

— Цветы жасмина светятся в ночной темноте. Они земные звезды, знаешь?

— Мм... *bello di notte*, ночной красавец. Это ведь про жасмин, да? Что-то такое я слышал.

— В цветах жасмина сила Луны и Венеры, так у нас считается.

— Мм... То есть, главных женских планет, — понимающе кивнул я. — Символы репродуктивности и любви, соответственно.

— Наверное, — пожала плечами Паола. — У моей матери живая изгородь вся — жасмин ползучий.

— Ползучий? — я на мгновение задумался, подбирая правильное слово. — Вьющийся!

— Вьющийся жасмин, — повторил я, и засмеялся. Как в той сицилийской песне:

Цветочки с вьющихся ветвей жасмина
опаивают сладким духом разум
попавшему в их плен мужчине
навек райский сад заказан.

Паолу что-то смутило в этом куплете.

— Да, знаю, у нас эту песню тоже поют, — сказала она и замолчала.

От фонтана в центре двора доносились оживленные возгласы и плеск воды. Вокруг дудящего в раковину мраморного Тритона

резвились преобразившиеся в тритонидов и nereid голые офисные работники. Мы оба одновременно посмотрели в их сторону. Но когда я оглянулся на Паолу, она смущенно потупила глаза.

— Я тоже рос без отца, — сказал я.

Паола удивленно подняла на меня глаза, но, по-видимому, сразу сообразила, из чего я сделал свой вывод. Она ведь сказала не «у нас дома» или «у родителей», а «у матери». И на море — бывала «с матерью». Она ничего не стала объяснять в ответ. Так, в дальнейшем, у нас и складывалось: она что-нибудь вскользь упоминала, и позволяла мне догадываться, додумывать. В этом была для меня своеобразная интрига, игра. Мне льстило ощущение того, какой я проницательный. Я сам додумывал свою Паолу, додумывал ее прошлое, ее *background*, как любят говорить наши американские партнеры, то есть то, что формировало ее как личность. И мы с Паолой постепенно становились главными персонажами романа, который я сам сочинял.

— Почему заказан райский сад? — спросил я, и, обняв ее за плечи, вновь приблизил свое лицо к ее волосам, вдыхая сладкий аромат цветов тонкий, чуть терпковатый, оливково-лимонный запах ее волос и кожи. — И вообще, если попал в плен к земному жасмину, зачем еще какой-то небесный сад?

Она напряглась на мгновение от моего прикосновения, но тут же приняла его и расслабилась. Улыбнулась мне, и черные глаза ее вновь блеснули влажно, как речная вода под луной.

— Тем более это не жасмин, — сказала она.

— Не опасный, — подхватил я, находя губами ее губы, — не ползучий.

Всегда волнующий момент, когда очередная девушка впервые отвечает на твой поцелуй. Это ведь всегда чуть-чуть как в первый раз. Но в тот вечер ощущение было особенно острым. Паола ответила не то чтобы неумело или слишком сдержанно, однако — с трепетной растерянностью подростка, еще только открывающего для себя свою сексуальность. Так я воспринял ее реакцию, не догадываясь, что ожидает меня с ней в будущем.

Она была еще очень молода, собственно, но уже взрослая и очень красивая девушка. Красивая той книжно-кинематографической, закрепленной традиционными представлениями красотой, которую, наверное, ожидают видеть в итальянках иностранцы. Мягкий овал лица, нежный румянец на чистой смугловатой коже, большие черные глаза, аккуратный носик, называемый в мире «французским», блестящие густые волосы, плавные закругленные линии тела с полной грудью и довольно широкими бедрами, при выразительной талии и стройных ногах. Меня, помню, с самого

начала удивило, что у нее нет бой-френда, или, как принято говорить в Италии, «жениха». Лишь попозже мне пришло в голову, что так обычно и бывает. Вопреки устоявшимся представлениям, очень красивые девушки чаще оказываются одиноки, чем заурядные или даже некрасивые, которые, по мужской логике, кажутся более доступными и сговорчивыми. Красавице приходится ждать того, кто решится приложить дополнительные усилия, чтобы добиться ее благосклонности. А ее подругам, тем временем, предоставляется широкий выбор кандидатов.

Кроме того, в некоторых женщинах есть нечто такое, что мужчина ощущает особым видом чувств, похожим на обоняние, но, как представляется, не имеющим специального — по крайней мере, известного науке — органа. Это «что-то» не связано с красотой, женщинам неведома его природа, мужчины не умеют это «что-то» описать, но оно их неизменно привлекает, как свет привлекает ночных насекомых. Так вот, в Паоле этого не было. Зато в ней было нечто другое, архаичное, но иногда все же находящее отклик в сердце итальянского мужчины. Несмотря на все безусловные и необратимые последствия сексуальной революции, у итальянцев сохранилась утратившая актуальность, несовременная и совершенно непрактичная, но столетиями

культивировавшаяся потребность жениться на девственницах. И это в Паоле было. То есть, я был немного удивлен, узнав позже, что она действительно девственница в свои почти двадцать лет, но она просто излучала целомудрие и невинность синьорины позапрошлого века.

— Так когда же вы впервые встретились с Маризой Пирраина? — спросил комиссар Дзандзара.

— Прошлым летом, когда приехали с Паолой в Чуриту, в ее родной городок в Калабрии.

— Потому что собрались обвенчаться?

— Наверное. Нужно было, наконец, познакомиться с будущей тещей. Но мы приехали в отпуск, на три недели. Мы приехали в Калабрию поездом. В Катандзаро я арендовал машину...

Странной была та поездка. Я не бывал на юге со времен детства, с тех пор, как мама вывозила меня летом на Сардинию. Потом, мы стали проводить лето на курортах Франции. У мамы вообще, кажется, имелось предубеждение к итальянскому югу, кроме, разве что, Сардинии — из-за отца, насколько я догадываюсь. Студентом же, я ездил на летние семестры в Англию и Северную Америку; а, начав работать, загорелся идеей посмотреть мир, и отправлялся в отпуск куда-нибудь в Австралию, Африку или в Южную Азию. И ни в одной из поездок я не ощущал

особенно остро ни значительности расстояния, ни цивилизационных различий. Сейчас же, добравшись поездом на юг своей родной Италии, я чувствовал себя не только на краю мира, но и словно в другой эпохе. Я не сразу смог понять, в чем дело. Как ни отличен здешний пейзаж от привычного, умбрского, ничего особо экзотического в нем не было: горы, сосновые рощи и леса, виноградники, стада обычных коз или овец под присмотром обычных пастухов. Сонные деревни. Мандариновые сады. Пожилые женщины в черном бредут из церкви, старики в кепках греются на солнце. Здесь еще даже пальмы не встречаются. Обыкновенная Италия, как на картинке. Но ощущение какого-то иного мира не покидало меня, ни на мгновение. Сперва я думал, это связано с тем, как нервничала Паола — и перед поездкой, и сейчас. Ее беспокойство передалось и мне — отчасти потому, что я так и не смог до конца определить его причину. Впрочем, я давно решил для себя, что она стесняется той среды, из которой вышла, а, может быть, пытается отгородиться от нее, раз и навсегда оставив ее в прошлом. Лишь позже, проведя здесь несколько дней и проанализировав свои впечатления, я осознал, в чем дело. Здешний край сохранил абсолютное неприятие в отношении всего остального мира, он живет своей собственной жизнью, движимый

собственными, только ему понятными целями, нечувствительный к любым внешним влияниям.

Еще не побывав на юге, я возомнил, будто понимаю его лучше уроженки Калабрии Паолы. Конечно, говорил я себе, ведь есть две Южных Италии: одна — туристическая, для иностранцев и курортников, с пляжами, пансионатами, лыжными курортами, достопримечательностями и фольклором. Другая — реальная, с безработицей, нарушенной экологией, коза-нострой, каморрой, ндрангетой, с отсталостью и проблемами. О первой пишут в глянцевах журналах и путеводителях, показывают ее в туристических программах. О второй пишут в газетах, показывают ее в криминальных новостях.

— Какие еще проблемы? — сказала как-то Паола на подобные мои рассуждения. — Там так живут, и не воспринимают свою жизнь, как сплошную череду проблем. Ндрангета проблема для севера, а в Калабрии она часть общества. Ндрангета продвигала Версаче. Он ведь был из Реджо-ди-Калабрия. Местная коска финансировала его в самом начале карьеры. Без денег ндрангеты он бы ничего не добился. Ндрангета финансирует политиков из местных, они попадают в региональные советы, в Парламент, и защищают там интересы области.

— То есть, интересы ндрангеты, — съязвил я.

Паола пожала плечами. Я снисходительно улыбнулся ее наивности. Мне еще только предстояло узнать, кто из нас по-настоящему наивен.

Да, туристу, посещающему Калабрию, сложно заметить ндрангету — где она там начинается. Но однажды с нею столкнувшись, невозможно найти, где она кончается. Она бесконечна. Паола показала мне в своем Чуриту дом местного босса ндрангеты. Я поначалу воспринял это лишь как некую особо экзотичную достопримечательность.

Мы въехали в городок на горном склоне над рекой. Мрачноватые каменные дома, безлюдные улицы, тянущиеся к центральной площади с церковью. Я обратил внимание на нарядную виллу, выделявшуюся и нездешним дизайном, и положением на самом возвышенном месте, чуть в стороне от остальных домов.

— Там живет русский художник со своей женой, — сказала Паола. — Но они часто уезжают. Надолго. На месяцы иногда.

— Священник сейчас тоже не итальянец, — сказала она, когда мы проезжали церковь. Поляк, кажется. Прежний священник был из здешних мест, но он уехал, и прислали этого.

Я вопросительно посмотрел на Паолу, когда мы проезжали массивное строение за высоким каменным забором.

— Это дом кумпара Амедеу, самого влиятельного здесь человека. Уважаемого.

— «Уважаемый», *onorevole* ? То есть...?

Она не сказала, «босс», но кивнула, говоря:

— Он занимается утилизацией отходов. Обеспечивает работой многих местных людей.

Утилизация отходов — бизнес, контролируемый ндрагетой в Калабрии, каморрой в Кампанье, коза-нострой на Сицилии. Бизнес, разрушающий местную экологию, дающий работу местным жителям и приносящий «малавите», местному криминальному миру, доходы, сопоставимые с доходами от наркоторговли.

— Символично, что он сам себя заточил в эту каменную крепость. Дом точь-в-точь напоминает тюрьму.

Паола ответила на мою реплику усмешкой, показывавшей, по-видимому, что я не готов для восприятия всей правды, как она есть.

— А здесь вот живет моя мать, — кивнула она, указывая на следующий дом, резко контрастировавший с тюремным замком кумпара Амедеу.

Вместо каменной стены, дом окружала живая изгородь из винограда с одной стороны и из вьющегося жасмина — с другой. Виноградные плети со шпалер живой изгороди перебрасывались на перголу, не позволявшую увидеть с улицы

внутренний двор, угадывавшийся, тем не менее, за импозантным, увитым плющом двухэтажным домом с террасой. Терраса по всей длине уставлена была кадками и ящиками с цветами — рододендронами, азалиями, лилиями, розами. Женщина, которую я увидел на террасе, была едва ли не первым человеком, встреченным мною в этом поселке, как бы вымершем на время сиесты. Той женщиной и была Мариза Пирраина, мать Паолы. Она выглядела гораздо моложе своих сорока пяти лет. Она выглядела ненамного старше Паолы и много моложе меня, хотя мы были чуть ли не ровесниками. Она очень уступала дочери по красоте, но в ней было вот то самое, трудно определяемое что-то, некий особый сигнал, что неизбежно притягивает мужчин, воздействуя на то самое доисторическое чувство, не имеющее ни названия, ни специального известного науке органа. Я почувствовал этот сигнал еще на расстоянии, и он оказался небывало сильным, когда я приблизился к ней.

— Что вам, возможно, показалось странным в доме Маризы? — спросил комиссар Дзандзара.

Я мог догадываться, что он имеет в виду, какого ждет от меня ответа и зачем это ему, но я не знал этого в точности. Я сказал не то, что его интересовало, но я отвечал спонтанно, я не пытался о чем-нибудь умолчать.

— Завтрак, — сказал я. — Меня удивил и показался очень странным завтрак.

Я не представлял себе, что где-нибудь в Италии люди могут съесть на завтрак что-то более существенное, чем бриошь или кремовый рожок «корнетто» с чашечкой капучино. Тем более на юге, летом...

Мариза спросила нас вечером, хотим ли мы утром завтракать дома, или пойдем в тратторию. Паола объяснила тогда, что в Калабрии принято съесть что-нибудь на завтрак, и люди, случается, заходят с утра в тратторию, вроде того, как на севере мы заезжаем перед работой в «свой бар» на чашечку кофе. Но я не мог предполагать, что Мариза испечет на завтрак огромный пирог из дрожжевого теста, на смальце, со свиной грудинкой и телячьей печенью. Мне потребовалось время, чтобы привыкнуть к местной кухне и даже местному кофе. Я не предполагал, что где-нибудь в Италии, вместо эспрессо, могут еще готовить кофе в турке. Впрочем, я отношусь к тем немногочисленным итальянцам, которые выросли на сладостях «Мулино бьянко», пасте «Барилла», кофе «Лаватца», сыре «Бель-паэзе» и прочих продуктах «номер 1 в Италии», презираемых большинством местных, но призванных представлять лицо Италии для иностранцев, и не привык к по-настоящему домашней кухне. Тем не

менее, здешние традиции казались уж слишком странными.

С другой стороны, показалось ли мне странным поведение Маризы? Нет, не странным. Это не совсем уместное определение. Паола назвала поведение матери «ненормальным», и такое слово точнее выражает общественную оценку подобного поведения. Паола сочла благоразумным все же предупредить меня — хотя бы в первую ночь по приезде — о том, что составляло одну из причин табу, которое она сама для себя наложила на тему матери. Для меня же это стало частью моментально сложившегося в моем восприятии образа неистовой сексуальности, воплощенной в Маризе.

— Ты не должна стыдиться этого, — успокаивал я Паолу, тем временем. — Это явление, описанное в современной медицине, и не касается моральности человека. Такие люди неспособны контролировать свою повышенную потребность в сексе, и называются сексоголиками. Это состояние, напоминающее наркотическую зависимость.

— А оно как-то связано с наркоманией? — поинтересовалась Паола.

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

Паола ответила легкой grimасой, уже знакомой мне, и обозначавшей, что она промолчит, но ее молчание не должно быть расценено, как уклонение от ответа.

— Этим страдают не так часто, но случаи известны по всему миру. Майкл Дуглас, знаешь, тот актер американский? Он не скрывал своей зависимости. Дэвид Духовны тоже, из «Секретных материалов». И гольфист, Тайгер Вудс. Тот сознался, что у него из-за этого распался брак.

Помню, в момент, когда я произнес слова про Тайгера Вудса, я подумал о нашей с Паолой предстоящей помолвке. Я был уже достаточно уверен к тому времени, что люблю Паолу, и что она любит меня. Я уже достаточно хорошо понимал, что наша семейная жизнь, вероятнее всего, не будет полной. Моя невеста относилась к тем нескольким процентам молодых женщин (цифра колеблется в разных исследованиях), которые неспособны пережить оргазм. Я как, наверное, большинство итальянцев, — прежде, чем столкнулся с этой проблемой у собственной невесты, — привык думать, что виноват в подобном явлении бывает партнер, не умеющий или не желающий добиться результата. Жизнь наказывает самонадеянность. Она дала мне возможность проявить все свое умение и желание, и убедиться в тщетности усилий. Паола отвечала благодарностью на мою деликатность и внимание, отвечала нежностью на мою нежность и поддерживала во мне веру в то, что — со временем — она сумеет раскрыть свою сексуальность в полной мере. Но, после полутора лет

совместной жизни, я начинал понимать, что надежда грозит оказаться несбыточной, и что мы постепенно привыкаем к такому стилю отношений. Паола заверяла меня, что ей хорошо со мной, и секс ей «приятен», и я готов был ей верить, учитывая, что сравнивать ей было не с чем. Мне же самому казалось, что меня удовлетворяют такие отношения: ничто не мешает мне продолжать попытки, а в браке я, в любом случае, ставлю перед собой другие цели.

Возможно, что-то блокировало в Паоле ее сексуальность, и, возможно, сексолог сумел бы этот фактор определить, но сама она без энтузиазма восприняла идею обратиться за помощью, и я не захотел настаивать. Когда же она рассказала мне о матери, а я в ответ вспомнил о Тайгере Вудсе, у меня вдруг возникла смутная догадка в отношении этого блокирующего фактора.

— Да, конечно, я заметил вскоре, что Мариза не обходится без секса ни одного дня, и обычно у нее свидания с мужчинами по несколько раз в день, — опередил я наводящий вопрос комиссара. — Но Паола меня об этом предупредила. Сказала, что так было, сколько она себя помнит, и, что мать, по-видимому, иначе не может.

— Речь идет о разных мужчинах? — начал, было, комиссар, но тут же осознал избыточность вопроса. — Ну, да... по несколько раз в день...

— Кто-нибудь из них появлялся регулярно? — перефразировал он вопрос.

— На самом деле, она почти никогда не встречалась с ними в своем доме. К ней вообще почти никто не заходил за все время. Кроме, пожалуй, соседа, Амедеу Пасастрету. Не могу сказать, будто бы она была в Чуриту изгоем, но ее окружала атмосфера всеобщего суеверного страха, как, в моем представлении, сельскую колдунью в средние века. Я это почувствовал даже на себе.

— Вы испытывали суеверный страх перед ней? — удивился комиссар.

— Нет. Я имею в виду отношение местных ко мне и к Паоле. Взгляды, перешептывание... Я понял, почему, на самом деле, Паола несколько лет не проводывала мать.

— Как бы вы объяснили такое отношение к Маризе местных, которое вы называете страхом? — спросил Дзандзара.

— Я думаю, они видели в ее поведении нечто сверхъестественное. Речь ведь не шла об адюльтере или даже о беспорядочных связях. Мариза просто пожирала мужчин. Кроме нескольких случаев, я не бывал свидетелем ее свиданий. Но из немногого, что рассказала Паола, и из того что прозвучало в

многочисленных намеках в общении с местными, я понял, что ее воспринимают не как совратительницу, а как нечто вроде чудовища из легенд, своего рода минотавра, требующего регулярных жертвоприношений.

Комиссар слегка скривился, не приняв, наверное, моей излишне художественной трактовки ситуации.

— А ее, как представляется, постоянная связь с соседом, Амедеу Пасастрету, не могла сыграть роль в формировании такого отношения?

— Возможно, ваше объяснение более реалистично, комиссар, — согласился я. — Но, во всяком случае, опасение нарваться на ревность всемогущего Амедеу не останавливало других мужчин.

— Вы говорите, что не были непосредственным свидетелем свиданий Маризы?

— В большинстве случаев, нет. Но я видел достаточно, чтобы судить о... На самом деле, мне доводилось несколько раз видеть ее в интимных ситуациях.

Каждый день, с самого утра, Мариза была напряжена, не находила себе места, и старалась занять себя какой-нибудь работой. Она убирала в доме, готовила, занималась цветами, огородом... В конце концов, она созванивалась с кем-нибудь. Куда-то срочно нужно ехать, объясняла она. Через

некоторое время у калитки останавливалась машина, и Мариза уезжала. Поездки редко отнимали у нее больше часа. Она возвращалась умиротворенной, расслабленной... но не удовлетворенной. Проходило немного времени, и все повторялось. Паолу неизменно смущала эта бесконечно повторяющаяся ситуация, и мне казалось, вначале, что я беспокоюсь за Паолу. Но, со временем, я осознал, что мне, скорее, передается напряжение, которое я ощущал в Маризе. Передается через тот древний, извечный, не описанный наукой канал: что-то неконтролируемо мужское во мне отвечало на мощный женский сигнал, исходивший от ненасытной матери Паолы. Как-то, она, в очередной раз, созвонившись с кем-то, сказала, что должна немедленно куда-то съездить. Паолы при этом не было.

— Я мог бы, иногда, свозить тебя, Мариза, туда... куда тебе так срочно нужно, — сказал я вдруг, прежде, чем осознал двусмысленность своего предложения. — У меня ведь машина здесь, арендованная. Зря простаивает.

А что такого? Предложил по-родственному. Машина не особо и простаивала, впрочем. Мы с Паолой почти ежедневно ездили куда-нибудь. На одно из морей — Тирренское или Ионическое — и до восточного, и до западного побережья было пару десятков километров. Из городка Марчеллиара, на

узком перешейке, можно было полюбоваться на оба моря. Паола предпочитала проводить побольше времени подальше от родного Чуриту и от матери.

— Спасибо, Лоренцо, — сказала Мариза, внимательно посмотрев мне в глаза. — У меня еще будет повод воспользоваться твоей любезностью. Мы ведь скоро станем родственниками, правда?

Да, по-видимому, да. Мы станем родственниками. Мы с Паолой приехали ради того, чтобы она познакомила меня с матерью и своими родными местами. Теперь, знакомство с Маризой разбудило во мне какие-то первобытные инстинкты, которые вдруг потеснили цивилизованные мечты о семейной жизни и нарушили умиротворение, достигнутое, было, в отношениях с Паолой.

— Я вынужден задать вам неудобный вопрос, синьор Нарди, — перешел, наконец, комиссар к сути дела. — Вы входили в упомянутую вами группу мужчин, случайных или постоянных партнеров Маризы?

— В то лето, нет.

— Могу я вас попросить, в таком случае, объяснить подробнее, что вы имели в виду, говоря о том, что несколько раз видели ее в интимных ситуациях?

— Я не соврал сейчас, показав, что в то лето между мной и Маризой ничего не было. И я не

выслеживал ее сознательно. Но правда в том, что я несколько раз оказывался — один — там, где у нее бывали интимные свидания.

— И вы...?

— Тогда, я был уверен в том, что видел случайно то, что видел.

— Сейчас вы так уже не считаете? — спросил Дзандзара скорее равнодушно, почти рассеянно.

— Сейчас у меня, к сожалению, есть основания полагать обратное.

Комиссар кивнул.

— Вы могли бы вспомнить, с кем конкретно, когда и при каких обстоятельствах вы видели Маризу Пирраину в таких, как вы выразились, интимных ситуациях?

Могу ли я вспомнить? Я хотел бы забыть. Я хотел и пытался забыть в течение года после того лета, но не смог. Я не уверен, что готов рассказать о том, что видел, и как смотрел.

Я никогда прежде не замечал за собой склонности к вуаеризму. Ну да, я смотрю иногда эротические фильмы, мне нравится смотреть, как раздевается моя партнерша, я не люблю заниматься сексом в темноте, я люблю смотреть... даже подростком, я не закрывал глаза, целуясь с девочками. Но это еще не значит, что я люблю преимущественно глазами. Я не такой, казалось мне, как персонаж из того романа Альберто

Моравии, «Человек, который смотрит». Смотреть, это для меня только элемент, связанный с прелюдией, только часть...

Я проходил тихо, возвращаясь из туалета, чтобы никого не побеспокоить. Никого, в смысле — Маризу; мы с Паолой спали наверху. Я не знал, что Амедеу, сосед, тоже в доме. То есть, он и не был в доме. Он стоял на крыльце, ступени с которого вели во внутренний двор. И я не увидел бы даже, что дверь открыта, если бы не услышал удар. Вздвогнув от неожиданности, я повернул голову, и увидел в их в просвете двери, на ярко освещенном луной крыльце. Он ударил ее, наверное, по лицу — звук был похожим на пощечину. По-видимому, Мариза стояла на пороге. Он схватил ее за плечо, и, ударив свободной рукой по лицу, рывком вытащил к себе на крыльцо. Этот момент я четко увидел, глядя на них из темного коридора. Нас разделяло пространство неосвещенной кухни. Я видел их в сияющем прямоугольнике дверного приема, словно на сцене камерного театра. Или какого-нибудь шоу в ночном клубе. Они обменялись фразами на диалекте, я не очень мог понять точный смысл. Она сказала что-то вроде, «ты не смеешь», он похоже, сказал, он потому и пришел, что всегда делает то, чего не смеет. Он дернул ремень на своих штанах — как-то одним движением их растегнул и они свалились с

него. Она что-то еще сказала — я думаю, что-то оскорбительное. Она при этом смотрела на его член. Он был четко виден, изогнутый кверху — полноценная эрекция. Он снова ударил ее по лицу, и она коротко взвыла и еще что-то выкрикнула. Он подхватил ее под бедра, задирая юбку, усадил на перила и прижал к балке, подпиравшей навес над крыльцом.

Я стоял и смотрел на них. Они не могли предполагать, что я буду здесь проходить в это время. Но у меня было полное ощущение того, что они нарочно оставили открытой дверь в кухню и во внутренний двор, и нарочно дожидались, когда я буду проходить, чтобы показать мне этот спектакль.

Я не считаю, что я люблю глазами, но так принято говорить: мужчины любят глазами, а женщины ушами. Ушами я тем более не люблю, но почему-то я еще более четко запомнил ту сцену в беседке за местной церковью. Я их практически не видел, но отчетливо слышал их голоса. Забавно: я снова шел как бы из туалета. Точнее, из-за кустов жасмина. У меня здоровый мочевой пузырь, но, после всего выпитого в тот день вина, случилось так, что я понял, до дома я не дотерплю. И я зашел за кусты жасмина, *bello di notte* — цветы его действительно светились в темноте, как звезды.

Паола была в тот вечер дома, мы с Маризой зашли в церковь, чтобы уточнить со священником какие-то детали насчет помолвки, которая, собственно, и планировалась-то лишь на следующее лето. Праздничная месса уже окончилась, был поздний час. Мариза сказала, что ей нужно еще поговорить с падре Анджело о чем-то своем, чуть ли не исповедаться, и он не возражал. Поэтому я пошел домой.

Я допускаю, что Мариза с Амедеу могли подстеречь меня дома, чтобы представить свое шоу. Но уж никак не могли сговориться отец Анджело с Маризой. Не могли они знать, что я задержусь на погосте, осматривая могилы, а, тем более, что зайду за кусты жасмина.

Кряхтенье, вздохи, сопенье, возня. Потом, вдруг, мужчина прокомментировал то, что обнаружил:

— Ты не носишь креста, Мариза. Ты разве не крещеная?

— Нет, падре, надо мной в детстве другой обряд совершили.

— Какой? — слышался исполненный суеверного ужаса голос священника.

— Вот тут пощупай, — сказала Мариза...

Какое-то мгновение слышно было лишь тихое сосредоточенное сопение.

— Ну что? Находишь что-нибудь? — спросила она.

— Ну... нет... только, что у всех... — сконфужено бормотал падре.

— То-то же, — подтвердила Мариза. — Теперь как у всех.

— Так что за обряд? — нервно повторил вопрос священник.

— Усечение хвоста, — расхохоталась Мариза.

— Праздник Вознесения Божьей Матери отмечают 15-го августа. Вы уверены, что именно в ту ночь видели ее со священником? В ночь с 15-го на 16-е? Не с 14-го, скажем на 15-е?

Мне пришлось ждать тогда довольно долго. Отец Анджело потом расплакался. Она насмеялась над ним. Мариза играла со священником в совершенно иную игру, чем с Амедеу. Я вынужден был оставаться там все время, рядом с ними, иначе, они заметили бы меня. Или я обманываю себя? Я хотел оставаться там? Слушать? Не знаю. Я понял, что Маризе нужно все время чем-то усиливать свои ощущения. Ей нужен был именно священник, нужно было совратить его, чтобы эмоционально обновить то, что стало повседневной рутиной.

* * *

Комиссар Дзандзара достал из своего черного кожаного портфеля пакет печенья, дрожащими пальцами торопливо разорвал обертку и жадно захрустел сахарным бисквитом. У него всегда есть в портфеле пачка печенья — самого калорийного. Он сразу почувствовал себя лучше, дрожь в пальцах унялась, в голове прояснилось. Не хватало еще упасть в обморок при свидетеле. Свидетеле или, возможно, подозреваемом. Комиссар предпочел бы видеть в Лоренцо Нарди свидетеля. Как свидетель, он способен помочь в определении места одного-двух элементов сложной мозаики. В качестве же подозреваемого, сам становится еще одним кусочком смальты, вывалившимся из многоцветной композиции, от которой у комиссара уже в глазах рябит. Склонность к художественным сравнениям у комиссара сложилась еще в студенческие годы, когда он — не в силах окончательно определиться, — обучаясь на юридическом факультете, продолжал посещать лекции на искусствоведческом. Антонио Дзандзара знал за собой эту слабость — неспособность отказаться от чего-то, к чему душа лежит, чтобы сосредоточиться на достижении чего-то, практически наиболее важного. Слабость не единственная. Вся жизнь комиссара состояла из преодоления слабостей. Всегда самый низкорослый и слабосильный среди сверстников, к двенадцати

Тото Дзандзара уверенно побеждал на юношеских чемпионатах по боксу, в категории «пьюма» (перышко), и одновременно покорял альпийские вершины. Позже, несмотря на спортивные достижения, призывная комиссия признала его негодным к строевой службе, но он, через год, сумел добиться пересмотра решения и отслужил свой срок в элитном диверсионном спецподразделении военных альпинистов. Он завалил сессию на третьем курсе юридического из-за своего увлечения искусством, но через год восстановился и, еще через два года, окончил университет с дипломом юриста, а в художественной академии успешно сдал бакалаврат на искусствоведа. Уроженец одного из беднейших, Испанского квартала Неаполя, он с детства усвоил всеилие криминальных синдикатов «малавиты», и, возможно именно осознание бессилия перед лицом идеально организованного преступного мира привело его на службу в полицию. Возможно, его опыт в преодолении собственных слабостей мог бы оказаться полезным для преодолевающего свою слабость государства, рассуждал Тото Дзандзара.

Теперь, когда до отставки оставались считанные годы, комиссар Антонио Дзандзара понимал, что бой с «малавитой» не выигран: после нескольких нокдаунов, по очкам ведет то одна, то другая сторона — всегда с минимальным

перевесом. Что ж, некоторые слабости непреодолимы, и с ними приходится жить. С самых ранних лет Тото Дзандзара страдал приступами гипогликемии — неожиданное резкое падение уровня сахара в крови приводило к внезапным обморокам. Он научился следить за своим режимом питания, помнил, что в кармане всегда должны быть «торрончини» — медово-шоколадные пастилки с орехами, — сахар, печенье или, на худой конец, корка хлеба. Обычно приступы бывали связаны с пропущенным приемом пищи, с нервным напряжением, стрессами, усталостью. Сейчас причин для приступа вроде бы не было. Возможно, дает о себе знать возраст? Досадно. Досадно, что из-за угрозы приступа сейчас пришлось отпустить Лоренцо Нарди, к которому у комиссара осталось много вопросов.

Наименее вероятный подозреваемый и наименее информированный свидетель в деле об убийстве Маризы Пирраина, Нарди, тем не менее, как человек не связанный местными табу, предрассудками, семейными и клановыми обязательствами, страхом перед законом и страхом перед ндрангетой, по крайней мере, не боялся говорить, и, таким образом, мог бы пролить свет на обстоятельства как этого, так и двух других преступлений, в которых комиссар начинал усматривать связь. Пока что, лишь интуитивные

догадки, но интуиция редко подводила Дзандзару. Впрочем, здесь, в преступном мире Калабрии, все связано корнями, тянущимися во времени и пространстве так далеко, что ни один эпизод, практически не бывает случайным. Драма, разыгравшаяся в небольшой поселке Чуриту в провинции Катандзаро, внешне повторяет бытовой классический сюжет, описанный сицилийцем Джованни Вергой в его знаменитой «Волчице». Сексуально ненасытная теща отбивает у дочери жениха, мужа. В старом черно-белом фильме по мотивам «Волчицы», он ее и убивает. У Верги, кажется, иначе — Дзандзара неважно помнит текст Верги, но в памяти до сих пор свежа увиденная в молодости театральная постановка с Анной Маньяни в главной роли. Пьеса особенно хорошо запомнилась потому, что он смотрел ее во время туристической поездки по СССР, а Дзеффирелли тогда же гастролировал со своей постановкой. Путешествия и театр главные увлечения Дзандзары, для которых он, увы, не находит времени. Может, на пенсии...

Да, итак, о работе. Классические сюжеты, конечно, повторяются веками. Но Мариза убита точным ударом стилета в сердце. Лоренцо Нарди, решишь он на убийство или, скажем, совершив его в состоянии аффекта, вряд ли сумел бы нанести такой

точный удар, и вряд ли ему под руку подвернулось бы такое идеальное оружие.

Интересно, знает ли Нарди, что его покойная теща-волчица принадлежала к жестокой и неистребимой коске (преступному клану) Пирраина из Фениче? Когда, в восьмидесятые прошлого века полиция и карабинеры в одну ночь арестовали всех известных боссов ндрангеты, и среди них Рино Пирраину с сыновьями, газеты трубили о том, что «калабрийской мафии нанесен смертельный удар». Но Лоренцо Нарди тех газет еще не читал. А с тех пор, подобные «смертельные удары» наносились мафии неоднократно, и всякий раз она умудрялась выжить. Тогда, в восьмидесятые, семья Пирраины осталась практически без взрослых мужчин. Трое сыновей Рино погибли в войнах с соперничающими за транзит героина косками, еще трое находились с ним в тюрьме, один из зятьев прятался в Австралии, другой неспособен был возглавить коску, не обладая необходимыми личными качествами, правнуки были еще слишком малы. Дело взяла в свои руки Франка Пирраина, жена Рино. Она засадила внучек смешивать и фасовать героин, дочери и зять перевозили товар и деньги. Для борьбы с конкурентами, поредевшую после полицейских операций армию наемников она пополнила из местных семей, менее именитых. Именно тогда с семьей Пирраина сблизился